

УДК 94(495).03

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-871-880

EDN JXZNMN

Оригинальное исследование

Византийское Содружество наций: критика концепции Д.Д. Оболенского

Бараненко П.А. Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33Email: pavelnichey@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья является продолжением серии публикаций, посвященных исследованию фронтальной политики Византийской империи в период правления Македонской династии в IX–XI веках, важной частью которой являлись взаимоотношения с соседними полузависимыми княжествами и народами. Центральное место в историографии этого вопроса занимает концепция Д.Д. Оболенского. В статье проводится попытка критической оценки данной концепции, основываясь на анализе письменных источников того периода. Установлено, что, несмотря на представления ромеев о своих соседях, степень субъектности порубежных княжеств и народов отличалась от региона к региону и зависела от целого ряда факторов: географии, истории региона, наличия альтернативного полюса силы и взаимных экономических интересов. В политической плоскости православная вера и титулярная политика имели второстепенное значение, а приравнение «духовных сыновей» к вассалам императора выглядит излишне надуманным.

Ключевые слова: Византия, Византийское содружество наций, буферные государства, Македонская династия, ромейская «ойкумена», Первое Болгарское царство, Константин VII Багрянородный

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Бараненко П.А. 2025. Византийское Содружество наций: критика концепции Д.Д. Оболенского. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 871–880. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-871-880. EDN: JXZNMN

The Byzantine Commonwealth: A Critique of D.D. Obolensky's Concept

Baranenko P.A. Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, RussiaEmail: pavelnichey@yandex.ru

Abstract. This article continues a series of publications devoted to the study of the frontier policy of the Byzantine Empire during the reign of the Macedonian Dynasty in the 9th–11th centuries, an important part of which was the relationship with neighboring semi-independent principalities and peoples. The central place in the historiography of this issue is occupied by the concept of D. D. Obolensky. The paper attempts to critically evaluate this concept based on an analysis of written sources from that period. It has been established that despite the ideas of the Romans about their neighbors, the degree of subjectivity of the border principalities and peoples differed from region to region and depended on a number of factors – geography, history of the region, the presence of an alternative pole of power, and mutual economic interests. On the political plane, the Orthodox faith and titular politics were of secondary importance, and equating "spiritual sons" with the vassals of the emperor looks unnecessarily far-fetched.

Keywords: Byzantium, the Byzantine Commonwealth of Nations, the buffer states, the Macedonian dynasty, the Roman “ecumene”, the First Bulgarian Empire, Konstantin VII Porphyrogenitos

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Baranenko P.A. 2025. The Byzantine Commonwealth: A Critique of D.D. Obolensky's Concept. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 871–880 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-871-880. EDN: JXZNMN

Введение

На протяжении всей своей истории Византийская империя представляла собой сложное политическое образование, объединявшее под единой светской и церковной властью разные народы. Она оказала решающее влияние на этнонациональный и политический генезис многих ныне существующих государств на Балканах, Ближнем Востоке и в Восточной Европе. Все это стало следствием масштабных этнических процессов, протекавших на территории империи в VII–XIV веках, когда в пределы Ромейского государства устремились потоки «варваров». Причем не всегда это происходило по инициативе последних. Уже к IX веку в изначально коренных землях империи преобладало не ромейское население. Тем не менее пришлые народы подвергались ромеизации, однако везде с разным успехом. Помимо этого, императоры Аморийской и Македонской династий в рамках геополитического противостояния с западными «императорами» развернули активную миссионерскую деятельность, которая оказала значительное цивилизационное влияние на многие народы Восточной Европы.

Сложная, порой запутанная политика василевсов создавала у историков нового и новейшего времени соблазн искать в ней глобальный замысел или вписать систему взаимоотношений империи и ее соседей в IX–XI веках (и позднее) в современные нам политические конструкции.

Традиционным для византинистов является рассмотрение ее истории через призму окружения со всех сторон враждебно настроенными народами. Это справедливо абсолютно для каждого периода истории империи, кроме, пожалуй, самых ранних лет ее существования. Попытки выйти за пределы этой парадигмы обречены на провал, поскольку они противоречили бы реальному положению вещей. Однако обречены не потому, что ромеи были злыми или нетерпимыми, а потому что глобальные процессы – как климатические, так и социально-экономические, – толкали народы Европы и Азии к поиску комфортных мест проживания и жизнедеятельности. В этой связи особенный интерес представляют славяно-византийские взаимоотношения на Балканах в IX–XI веках, поскольку они оказали решающее влияние на все последующие эпохи. Помимо этого, византийское политическое и культурное влияние в самых разных проявлениях обнаруживает себя на широких просторах от Италии до Кавказа. Сами же внешнеполитические направления в IX–XI веках можно условно разделить на восточное, западное или итальянское, балканское и северопричерноморское направления. Такое разделение принято нами и обосновано в ряде предшествующих и планируемых статей (см.: Бараненко П.А., Хапаев В.В. «Буферные государства» как инструмент внешней политики Византии в Италии в IX–середине XI века (по данным вещественных и письменных источников). С. 6–15; Бараненко П.А., Хапаев В.В. «Буферные государства» как инструмент внешней политики Византии на Востоке в XI–XII веках. С. 20–29; Бараненко П.А. «Буферные государства» и балканский фронт в внешней политике Византии в IX–XI веках 2024. С. 10–20.). Среди концепций, посвященных политике и дипломатии Византийской империи, особое место занимает Византийское Содружество Д.Д. Оболенского.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает трактовка внешнеполитической стратегии Византийской империи в IX–XI веках в рамках концепции Д.Д. Оболенского о Византийском Содружестве наций. Проблема, которая заключена в объекте исследования, состоит в

необъективности части трактовок, применяемых упомянутым исследователем. Раскрытие проблематики осуществляется с помощью привлечения актуальных исследований и обращения к письменным источникам. В основе работы лежат историко-критический и сравнительно-исторический методы, позволяющие с помощью сопоставления данных, приводимых в византийских и иноземных источниках, дать объективную оценку внешнеполитической стратегии империи. В исследовании применяются общенаучные и специальные исторические методы.

Результаты и их обсуждение

Концепция Д.Д. Оболенского

А что же такое «Византийское Содружество», концепцию которого предложил Д.Д. Оболенский [Оболенский, 1998, с. 79]? По версии автора – это конгломерат полузависимых пограничных с империей государств. Д.Д. Оболенский ставит акцент именно на представлениях ромеев о своих соседях, при этом пренебрегая геополитическим фактором и реальным положением вещей, так как статус лимитрофа (буферного государства) предполагает обоюдное признание своей роли как со стороны самой подчиненной земли, так и со стороны доминиона, в роли которого выступает Византийская империя.

Концепция Д.Д. Оболенского основана на византийском представлении о положении соседних государств и народов относительно империи. Ключевой тезис, вокруг которого выстраивается фактаж исследователя, основывается именно на использовании имперской титулатуры в отношении иностранных государей. Это позволяет Д.Д. Оболенскому ставить в один ряд правителей, например, Болгарии и Руси. Данный тезис, равно как и его критика, являются центральной темой настоящей работы.

Использование имперской титулатуры в отношении правителей подобных государств не может восприниматься как априорное доказательство их лимитрофного статуса, поскольку (это видно на примере итальянских княжеств) важно также соотношение силы ромейского государства с альтернативным полюсом силы, равно как и паритет силы Византии и потенциального лимитрофа [Бараненко, Хапаев, 2024, с. 9–13].

Добавим сюда свидетельство из переписки между Василием I (867–886) и Людовиком II Немецким (843–876), где западный «император» критикует ромейское мировоззрение, основанное на пренебрежительном отношении к иностранной титулатуре и игнорировании реальной политической ситуации [Хроники Италии, 2020, с. 435–439]. Соответственно, например, ни Болгарское царство, ни Древнерусское государство не могут однозначно восприниматься как подчиненные ромеям.

Культурная самоидентификация ромеев

Одним из краеугольных камней в истории Византии, который должен быть положен в основу всякой концепции, является самосознание ее титульного народа – грекоязычных ромеев. Этническое самосознание жителей империи сформировалось не сразу. Это особенно важно в силу того, что мировоззрение византийцев складывалось из двух составляющих: ойкумены, то есть их собственной цивилизации, и варварского мира, имевшего в той или иной степени отношение к их цивилизации [Литаврин, 1976, с. 198–217]. На протяжении всей своей истории коренные жители империи упорно называли себя «ромеями» и сторонились эллинской самоидентификации.

Термин «ромей» в этот период нес в себе скорее политический и конфессиональный смысл. Народы империи были связаны единым средством коммуникации – греческим языком. К IX веку в Анатолии других языков уже не существовало, кроме самых восточных ее краев, где проживали армяне, арабы, лазы и другие народности [Speros Vryonis, 1971, p. 42–55]. Ромей был носителем двух ключевых атрибутов, отличавших его от неромеев, – православной веры и греческого языка. Этническое значение этот термин начинает приобретать значительно

позднее – на рубеже XI–XII веков, когда территории империи значительно сократились под натиском турок-сельджуков [Литаврин, 1976, с. 206–208].

На протяжении IX–XI веков православие стало основным инструментом «мягкой силы» Византийской империи, как в рамках внутренней ассимиляции негреческих народов, так и на внешнеполитическом контуре. И если во внутренней политике эта практика имела успех, то за пределами Романии результаты были неоднозначными. Так, в IX веке ромеи добились определенных успехов в христианизации славян Пелопоннеса [Свод древнейших письменных известий о славянах..., 1995, с. 329–331], а также народов горной Таврики [Сорочан, 2013, с. 136; Айбабин, 2021, с. 88, 91]. Важно также подчеркнуть, что процесс ассимиляции этих народов протекал с разной скоростью и последствиями. В обоих случаях весомую роль сыграла феодальная администрация, которая стала катализатором интеграции народов, проживавших на территории империи [История Севастополя, 2021, с. 434, 448–449]. Однако в обоих случаях у местных народов не было весомой альтернативы, какая, например, была у жителей Южной Италии.

Ромеи и соседние народы

В этой связи периодическая нелояльность западных «буферных» князей полностью укладывается в существовавшие тогда общественно-политические тенденции. Имевшая место, по крайней мере в западноевропейских государствах, точка зрения была вновь озвучена уже Лиутпрандом Кремонским в беседе с императором Никифором II Фокой (963–969) со ссылкой все на того же Людовика II. Здесь мы находим и спор о равенстве правителей франков и ромеев, территориальные претензии и даже переменную лояльность порубежных князей [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 125–148]. Во время этих переговоров Никифор II Фока явно характеризует лангобардских князей как своих подданных, которые восстали против него, следовательно, должны быть усмирены ромейским войском. Контраргумент Лиутпранда основывался на том, что князья Капуи и Беневенто *«принадлежат к высшей знати и являются вассалами»* западного «императора» [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 136–137]. В самом деле, субъектность лангобардских князей стала одним из ключевых вопросов обеспечения безопасности ромейских владений в Италии. Однако прочного контроля над регионом ромеи добиться в IX–XI веках так и не смогли. Всякие попытки установить свою власть над землями, где уже проживали лангобарды, а не греки, терпели крах [Бараненко, Хапаев, 2024, с. 9–15].

Мы неслучайно сделали акцент именно на итальянском направлении: оно иллюстрирует, что всякая сфера влияния имеет свои границы и ограничения по степени субъектности. Помимо геополитического фактора, который в данном случае играл большую роль, важным также представляется нетерпимость лангобардов к грекам. В источниках это отмечается в связи с захватом Беневента стратигом Симбастицием в 892–895 гг. [Хроники Италии, 2020, с. 470]. Преодолеть эту нетерпимость так и не удалось, что объясняется сохранением латинских епархий в лангобардских княжествах. Насколько можно судить по отрывочным данным, попыток изменить данную ситуацию ромеями не предпринималось [Курышева, 2004, с. 203–208; Charanis, 1946, р. 74–86]. Религия в IX–XI веках имела ключевое значение для формирования самосознания и идеологии как у ромеев [Хапаев, 2024, с. 251], так и у их соседей.

Центральное место в вопросе христианизации других народов занимает северо-западный (балканский) фронт империи, которому также большое внимание уделяет Д.Д. Оболенский. Активизация миссионерской и политико-дипломатической деятельности византийских императоров на данном направлении происходит ближе к середине IX века. Связано это, прежде всего, с укреплением Болгарского царства, которое в условиях генезиса славяно-болгарской народности стало на путь объединения под своей властью всех славянских племен на Балканах [Литаврин, 1999, с. 336–340]. Несомненно, Болгарское царство воспринималось ромеями как конкурирующее. Поэтому утверждение Д.Д. Оболенского, что болгары стали вассалами империи после принятия христианства, весьма сомнительно [Оболенский, 1998, с. 190].

Нам известны мотивы болгарских князей и царей. Князь Борис, выбирая между западным и восточным христианством, отдавал предпочтение тому варианту, при котором он смог бы организовать на болгарских землях автокефальную церковь. Впрочем, окончательно осуществить это смог лишь Симеон, добившийся от ромеев и царского титула, и отдельного патриархата для Болгарии [Бараненко, Хапаев, 2024, с. 10–20].

Дополнительным свидетельством выступает трактат Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», где Хорватия и Сербия описаны так, как если бы императору необходимо было обосновать, почему именно ромеи претендуют на эти земли: *«Знай, что архонт Хорватии ... никогда не подчинялся архонту Болгарии»* [Константин Багрянородный, 1989, с. 139]. Интересно, что правителей обеих стран Константин VII помещает в один ранг. Но это не должно вводить нас в заблуждение относительно статуса Болгарского царства, будто бы равного Хорватскому княжеству. В главе, посвященной хорватам, Константин VII прямо указывает на их нейтральный статус; пишет, что они не собираются воевать за пределами своих земель, то есть не могут быть привлечены против болгар [Константин Багрянородный, 1989, с. 137–139].

В отношениях с сербами ситуация складывалась несколько иначе. Однако и здесь император в конце добавляет: *«Знай, что архонт Сербии ... по-рабски подчинен василевсу ромеев и никогда не был подвластен архонту Болгарии»* [Константин Багрянородный, 1989, с. 149]. Вот эта «рабская подчиненность», о которой говорит император, является прямым следствием разрушительных войн Симеона, войска которого полностью razорили Сербию [Константин Багрянородный, 1989, с. 145–149].

Подобных замечаний нет в главах, посвященных Захлумью (глава 33), Тревунии (глава 34), Дукле (глава 35) и Пагании (глава 36), которые находились под прочным внешнеполитическим контролем империи и рассматриваются автором лишь с точки зрения их истории и находящихся там укреплений. Данные обстоятельства прямо свидетельствуют о разной степени зависимости славянских княжеств от ромеев. А приписываемые им звания не могут служить объективным доказательством их статуса.

Малые княжества Далмации (Захлумье, Тревуния, Пагания и Дукля) попадают под зависимость от империи, вероятно, в те же годы, когда была организована фема Далмация, поскольку именно к этому моменту относится также свидетельство о повторном крещении местных славян [Продолжатель Феофана, 2009, с. 183–184].

Однако, в отличие от Италии, в IX–X веках мы не находим здесь свидетельств о неповиновении, что связано как раз с отсутствием альтернативного полюса силы (каким могла быть Болгария, но ее от Далмации отделяла Сербия). С другой стороны, все эти народы были напрямую связаны с адриатической торговлей, осуществляемой из Рагузы, а потому союзнические отношения с империей в период ее могущества вполне логичны. Более того, местные князья получали щедрые подарки из Константинополя, отказываться от которых явно было не в их интересах. Они могли лишь конкурировать между собой в попытках заполучить более щедрое вознаграждение за свою «лояльность». Так поступил, например, захлумский жупан Михаил, который из ревности к особенному положению сербов натравил на последних болгарского царя Симеона, в результате чего Сербия оказалась опустошена [Константин Багрянородный, 1989, с. 145].

Константин VII был осведомлен об откровенно предательском поступке жупана [Константин Багрянородный, 1989, с. 145], однако не сообщает, понес ли захлумский правитель наказание за это.

Соперничество между Болгарией и Византией за Балканский регион подтверждает П. Стефенсон. Правда, он склонен отдавать византийцам лишь второе место в этом соперничестве, по крайней мере в отношении рубежа IX–X веков. В то же время британский ученый выдвигает смелую гипотезу о том, что царь Симеон планировал объединить под своей властью Балканы и не был заинтересован в создании совместного ромейско-болгарского

государства. На это, по его мнению, указывают масштабные строительные проекты Симеона в Преславе [Stephenson, 2000, p. 18].

Отметим также, что переписка патриарха Николая Мистика с Симеоном, где последний называется «духовным сыном», явно указывает, что это не более чем дипломатическая уловка и свойственная ромеям форма обращения. Переоценивать такие речевые обороты не стоит – ровно так же константинопольский патриарх обращался к архиепископу Болгарии Иоанну Экзарху (893–917) [Nicholas I, 1973, p. 17, 21, 27, 39, 43]. Подобные эпитеты отсылают к тому, что оба болгарских деятеля получили образование в столице Византийской империи, а апелляция к вере – единственный рычаг для сдерживания агрессии [Златарски, 1927, с. 379; Продолжатель Феофана, 2008, с. 243].

Еще одна интересная мысль, связанная с соглашением между Николаем Мистиком и тогда еще князем Симеоном, заключается в возобновлении дани в пользу Болгарского царства [Stephenson, 2000, p. 22]. Необыкновенная щедрость ромеев на подарки и подати соседним народам была вполне меркантильным расчетом, поскольку потраченные деньги возвращались в империю благодаря ее транзитному статусу на торговых маршрутах. Ключевыми стратегическими пунктами здесь являлись Рагуза для западнобалканских славян [Константин Багрянородный, 1989, с. 145], Фессалоника для славян Македонии и через них Болгарского царства [Две византийские хроники X века, 1959, с. 162–163, 168], а Херсон – в отношении степных народов [Хапаев, 2016, с. 292–300]. На протяжении IX–XI веков мы наблюдаем последовательные действия по укреплению этих стратегически важных для торговли городов. Для Болгарского царства, по мнению П. Стефенсона, и в особенности в период правления Симеона становится важным укрепление собственных торговых маршрутов, а также захват Via Egnatia – старого торгового пути, проходившего через Диррахий, Фессалонику и заканчивавшийся в Константинополе [Stephenson, 2000, p. 20–21]. Эта гипотеза интересна, хоть и требует дополнительных доказательств.

Для нас важно, что взаимоотношения между Болгарией и Византией в указанную эпоху были скорее конкурирующими, и интерпретация их через подавление нерадивого вассала и наделение Болгарского царства таким статусом представляется надуманным. Более того, столетия взаимной вражды привели к тому, что даже в XI веке, после полного покорения ромеями Балкан, между титульным народом империи и болгарами продолжала существовать нетерпимость [Theophylacte d'Achrida, 1986, p. 242, 292, 294, 382–384].

В политической плоскости на это указывают исторические вставки Константина VII Багрянородного в каждом разделе о славянских территориях на Балканах, упоминавшего, что некогда эти земли принадлежали римлянам, а затем ромеям. Очевидно, что поскольку к середине X века между двумя самыми крупными государствами на Балканах установился мир и развивалась торговля, давать подобные комментарии относительно Болгарии было бы не вполне логично.

В X веке политическая диспозиция на севере Балкан изменилась. Болгария при царе Петре I (927–969) после разрушительных войн заняла относительно нейтральное положение, а ромеи ввиду успехов на восточных рубежах постепенно усиливались. Однако к этому времени на Балканском и Северопричерноморском направлениях начали активно действовать русичи, которых Д.Д. Оболенский чуть ли не с середины IX века, то есть первых русско-византийских контактов, помещает в статус подданных императора с византийской точки зрения [Оболенский, 1989, с. 37–39].

Подтверждения в источниках IX–X веков этому нет. Наоборот, учитывая страх перед неизвестным и далеким народом, который с 860 года испытывали ромеи, обозрение Константином VII северного внешнеполитического направления позволяет предположить, что долгое время ромеи просто не имели конкретного плана взаимодействия с Русью. Все сводится к обычному сдерживанию «росов» с помощью печенегов [Константин Багрянородный, 1989, с. 37–39]. Политика христианизации и связывания торгово-экономическими отношениями, примененная в отношении Руси, не была для Византии чем-то новым. С ее помощью ромеи

выстаивали систему безопасности на всех своих границах. При этом транслируемое посредством христианизации культурное влияние не вызывает сомнений.

В рамках своей концепции Д.Д. Оболенский ставит в один ряд вассальной зависимости от Константинополя правителей алан, абазгов, болгарских царей и армянских князей. Хотя на середину X – начало XI века приходится зенит могущества ромеев при Македонской династии, непонятно, как титул «духовного сына» может ставить в один ряд правителей разных стран [Оболенский, 1998, с. 175–190].

Вышеназванные правители находились на разной степени удаления от Константинополя, в разных геополитических условиях и никак не могут считаться вассалами империи. Исходя из концепции Оболенского, непонятно, зачем императору Никифору I Фоке было организовывать поход русичей против Болгарского царства, если оно было вассалом империи.

Непонятно также, почему автор считает, что буферная зона между империей и Степью переместилась севернее именно после смерти царя Симеона в 927 году [Оболенский, 1998, с. 190–191]. В действительности с 934 года империя начинает подвергаться нападениям мадьяр, несмотря на то что их кочевья и владения ромеев были отделены друг от друга Болгарией [Продолжатель Феофана, 2009, с. 261]. Учитывая, что к тому времени будущие венгры уже переселились за Карпаты, оба балканских государства оказались не готовы к такому развитию событий. По этому поводу П. Стефенсон справедливо отмечает, что болгары и ромеи после них для обороны от задунайских кочевников использовали старые укрепления вдоль дельты реки, тогда как западный рубеж от нападений не был защищен [Stephenson, 2000, p. 38–45]. В этой связи ромеи начали активную дипломатическую работу по восстановлению хороших отношений с мадьярами. В 948 и 952 годах их вожди были крещены в Константинополе [John Skylitzes, 2010, p. 231].

Северная политика империи рассматривается Д.Д. Оболенским выборочно и несистемно, хотя из трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» видно, что у ромеев было определенное представление о взаимодействии с разными народами – от хорватов на западе до хазар, алан и армян на востоке. Если балканские народы рассматриваются как стародавние подданные, то для народов Причерноморских степей характерна скорее риторика о необходимости сраживать их друг с другом, но никак не формировать какой-либо политический альянс или конгломерат. Для северного фронта империи характерно последовательное сраживание народов друг с другом и система «сдержек и противовесов», которая была формализована порфирородным императором [Хапаев, 2016, с. 278–284]. В этой системе каждому народу отводилось свое место: аланы противопоставлялись хазарам, печенегам – русичам. И такая расстановка вовсе не считалась незыблемой догмой.

Из всех «вассалов», которых упоминает Д.Д. Оболенский, наибольший интерес вызывают армяне. На протяжении IX–XI веков между ромеями и армянами в самом деле сложились особые взаимоотношения, основанные на глубокой взаимной этнополитической интеграции. Пожалуй, здесь действительно сформировалась сфера ромейского политического и культурного влияния, плавно переходящего в определенную степень политической зависимости.

Большую роль в этой интеграции сыграло то, что основатель Македонской династии имел армянские корни [Продолжатель Феофана, 2009, с. 140–141, 157]. При нем и его преемниках происходило постепенное продвижение ромеев на восток. Внутренние армянские процессы побуждали мелких князей переходить под власть империи, за что они получали щедрые награды. Уже во второй половине X века армяне ставились имперскими политиками и военачальниками на один уровень с ромеями, что мы видим из описания Никифором II Фокой процесса комплектования войск [Никифор II Фока, 2005, с. 5]. Косвенно это подтверждается также и тем, что именно армянские гарнизоны стали размещать в ключевых точках на Западе – на границе с Болгарией и в Калабрии [Oikonomides, 1972, p. 346].

Кроме того, в IX–X веках отмечались попытки преодоления разногласий в вопросах веры. После возобновления контактов между патриархом Фотием (858–867, 877–886) и армянским католикосом Захарием (855–876) наметился определенный прогресс, который

отразился на решениях Ширакского собора 862 года [Shepard, 2008, p. 351]. Однако никакой церковной унии не случилось. Новая попытка была предпринята уже патриархом Николаем Мистиком и католикосом Иованесом Драсханакертци. Происходили эти переговоры в условиях внутренней нестабильности и внешней напряжённости вокруг Армении [Юзбашян, 1988, с. 106–113]. Эти переговоры тоже не дали результатов и сошли на нет после смерти церковных деятелей. По свидетельству самого Иованеса, армянские князья признавали себя подданными императора, поскольку это сулило им прямую экономическую выгоду от транзитной торговли между ромеями и арабами [Иованнес Драсханакертци, 2011, с. 83].

В X веке Константин VII Багрянородный четко обосновал претензии Византии на Армянское царство. С одной стороны, в историю о происхождении Василия I помещается легенда о корнях, восходящих к династии Аршакидов (I–V вв.) [Продолжатель Феофана, 2009, с. 140–141, 157]. С другой стороны, император четко определил необходимость контроля над рядом крепостей возле о. Ван для обеспечения безопасности внутренних имперских территорий [Константин Багрянородный, 1989, с. 189–193].

Как видно на примере армян, сближению их с Византией способствовала отнюдь не православная вера (они придерживались другого течения в христианстве), а прямая политическая и экономическая выгода. На рубеже IX–X веков, пока центральная власть в Багдаде еще окончательно не ослабла, Армения занимала выгодное положение в торговых отношениях ромеев с Востоком. Впоследствии империя перешла к более глубокой интеграции и присоединению армянских княжеств, не в последнюю очередь ввиду намеченных Константином VII Багрянородным стратегических целей. При этом церковная уния между греческой и армянской церквями так и не состоялась.

Заключение

Таким образом, вопреки теории Д.Д. Оболенского о Византийском Содружестве, степень политического и культурного влияния ромеев на соседние народы различалась. Она находилась в прямой зависимости от географической удаленности конкретного народа, проживания этого народа на исторических землях ромеев, наличия альтернативного полюса силы и взаимных экономических интересов. Православная вера и титулярная политика византийских императоров могут рассматриваться как дополнительные факторы, способствовавшие укреплению взаимосвязей, но не их формированию. Таким образом, трактовка сферы влияния Византийской империи через призму некоего умозрительного надгосударственного образования представляется весьма сомнительной. Несмотря на то, что культурное влияние ромеев на окружающие их народы неоспоримо. В заключение также важно отметить, что нами была рассмотрена лишь часть примеров различного влияния Византии на соседние народы. Данная тематика представляется нам достаточной обширной и не может быть полностью раскрыта в одной статье, а потому была рассмотрена лишь в первом приближении на самых «ярких примерах».

Список источников

- Иованнес Драсханакертци. История Армении. 2011. Пер. М.О. Дарбинян-Меликян. Москва, Союз армян России, 336 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. 1989. Текст, перевод, комментарий. Под ред. Г.Г. Литаврина. Москва, Наука, 501 с.
- Никифор II Фока. Стратегика. 2005. Пер. со среднегреч. и комм. А.К. Нефёдкина. Санкт-Петербург, Алетейя, 288 с.
- Об областях римской империи, сочинение Константина Багрянородного. Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1858. 3. Москва, 32 с.
- Продолжатель Феофана Жизнеописания византийских царей. Изд. подготовил Любарский Я.Н. 2009. Санкт-Петербург, Алетейя, 400 с.
- Хроники Италии. 2020. Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова. Москва, X94 «5P5b»–«Русская панорама», 616 с.

John Skylitzes A Synopsis of Byzantine History 811–1057. Transl. by John Wortley. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 492 p.

Theophylacte d'Achrida. Lettres. Intr., text, comm. et notes P. Gautier. Thessalonique: Association de Recherchers Byzantines, 1986. 632 p.

Список литературы

- Айбабин А.И. 2021. Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма. *Античная древность и средние века*. Т. 49: 79–96.
- Бараненко П.А. 2024. «Буферные государства» и балканский фронтир во внешней политике Византии в IX–XI веках. *Современная научная мысль*. 4: 10–20.
- Бараненко П.А., Хапаев В.В. 2024. «Буферные государства» как инструмент внешней политики Византии в Италии в IX – середине XI века (по данным вещественных и письменных источников). *Современная научная мысль*. 6: 6–15.
- Бараненко П.А., Хапаев В.В. 2023. «Буферные государства» как инструмент внешней политики Византии на Востоке в XI–XII веках. *Современная научная мысль*. 2: 20–29.
- История Севастополя в трех томах. 2021. Том I. Юго-западный Крым с древнейших времен до 1774 года. Москва, Издательство «ИстЛит», 688 с.
- Каждан А.П. 1974. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. Москва, Издательство «Наука», 293 с.
- Курышева М.А. 2004. Регионы и периферия Византийской империи. Южная Италия и Сицилия. *Православная энциклопедия*. Т. VIII: 203–208.
- Литаврин Г.Г. 1999. Византия и Славяне. Санкт-Петербург, Издательство «Алетейя», 604 с.
- Оболенский Д.Д. 1998. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. Москва, Янус-К, 655 с.
- Сорочан С.Б. 2005. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Часть 1–2. Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. Харьков: «Майдан», 1648 с.
- Хапаев В.В. 2016. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI века). Симферополь, Н. Орианда, 572 с.
- Хапаев В.В. 2024. Эволюция темы патриотизма в Византийской империи VI–X вв. *Вестник Литературного института имени А.М. Горького*. 2–3: 245–254.
- Юзбашян К.Н. 1988. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. IX–XI вв. Москва, Издательство «Наука», 305 с.
- Charanis P. On the Question of the Hellenization of Sicily and Southern Italy during the Middle Ages. *The American Historical Review*. Vol. 52. No. 1 (Oct., 1946). P. 74–86.
- Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines des Ixe et Xe siecles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris: Centre National de la Recherche Scientique, 1972. 403 p.
- Speros Vryonis, Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1971. 282 p.
- Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 366 p.

References

- Aibabin A.I. 2021. Ob osvoenii grecheskogo iazyka gotami i alanami Gornogo Kryma [How the Goths and Alans of the Mountainous Crimea Assimilated Greek Language]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49: 79–96. doi: 10.15826/adsv.2021.49.006
- Baranenko P.A. 2024. «Bufernye gosudarstva» i balkanskij frontir vo vneshnej politike Vizantii v IX–XI vekah [«Buffer States» and the Balkan Frontier in the Foreign Policy of Byzantium in the IX–XI Centuries]. *Scientific Journal of History, Economics and Law Research*. Moscow, Helri. 4: 10–20. doi: 10.24412/2308-264X-2024-4-10-20
- Baranenko P.A., Khapaev V.V. 2024. «Bufernye gosudarstva» kak instrument vneshnej politiki Vizantii v Italii v IX – seredine XI veka (po dannym veshhestvennyh i pis'mennyh istochnikov) [«Buffer States» as an Instrument of Byzantine Foreign Policy in Italy in the 9 – mid-11th Centuries]. *Scientific Journal of History, Economics and Law Research*. Moscow, Helri. 6: 6–15. doi: 10.24412/2308-264X-2024-6-6-15

- Baranenko P.A., Khapaev V.V. 2023. «Bufernye gosudarstva» kak instrument vneshnej politiki Vizantii na Vostoke v XI–XII vekah [«Buffer States» as a Instrument of Byzantium Foreign Policy in the East during 11th – 12th Centuries]. *Scientific Journal of History, Economics and Law Research*. Moscow, Helri, 2: 20–29. doi: 10.24412/2308-264X-2023-2-20-29
- Istorija Sevastopolja v treh tomah. 2021. Tom I. Jugo-zapadnyj Krym s drevnejshih vremen do 1774 goda [The History of Sevastopol in Three Volumes. Volume I. South-Western Crimea from Ancient Times to 1774]. Moscow, Izdatel'stvo "IstLit", 688 p.
- Kazhdan A.P. 1974. Social'nyj sostav gospodstvujushhego klassa Vizantii XI–XII vv. [The Social Composition of the Ruling Class of Byzantium of the XI–XII Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo «Nauka», 293 p.
- Kuryshcheva M.A. 2004. Regiony i periferija Vizantijskoj imperii. Juzhnaja Italija i Sicilija [Regions and the Periphery of the Byzantine Empire. Southern Italy and Sicily]. *Pravoslavnaia jenciklopedija*. T. VIII: 203–208.
- Litavrin G.G. 1999. Vizantija i Slavjane [Byzantium and the Slavs]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo «Aletejja», 604 p.
- Obolenskij D.D. 1998. Vizantijskoe Sodruzhestvo Nacij. Shest' vizantijskih portretov [The Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine Portraits]. Moscow: Janus-K, 655 p.
- Sorochan S.B. 2005. Vizantijskij Herson (vtoraja polovina VI – pervaja polovina X vv.). Oчерki istorii i kul'tury. Chast' 1–2 [Byzantine Kherson (the Second Half of the Sixth and the First Half of the Tenth Centuries). Essays on History and Culture. Part 1–2]. Otv. red. G.Ju. Ivakin. Har'kov, «Majdan», 1648 p.
- Khapaev V.V. 2016. Vizantijskij Herson na rubezhe tysjacheletij (vtoraja polovina H – pervaja polovina XI veka) [Byzantine Kherson at the Turn of the Millennium (Second Half of the Tenth – First Half of the Eleventh Century)]. Simferopol', N. Orianda, 572 p.
- Khapaev V.V. 2024. Jevoljucija temy patriotizma v Vizantijskoj imperii VI–X vv. [The Evolution of the Theme of Patriotism in the Byzantine Empire of the VI–X Centuries]. *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo*. 2–3: 245–254.
- Juzbashjan K.N. 1988. Armjanskije gosudarstva jepohi Bagratidov i Vizantija. IX–XI vv. [The Armenian States of the Bagratid Era and Byzantium. IX–XI Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo «Nauka», 305 p.
- Charanis P. On the Question of the Hellenization of Sicily and Southern Italy during the Middle Ages. *The American Historical Review*. Vol. 52. No. 1 (Oct., 1946). P. 74–86.
- Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines des Ixe et Xe siecles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 403 p.
- Speros Vryonis, Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1971. 282 p.
- Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 366 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.05.2025

Received 17.05.2025

Поступила после рецензирования 20.09.2025

Revised 20.09.2025

Принята к публикации 22.09.2025

Accepted 22.09.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бараненко Павел Андреевич, аспирант кафедры «Всеобщая история и мировая культура», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Pavel A. Baranenko, Postgraduate Student of the Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

 [ORCID: 0009-0006-3400-9451](https://orcid.org/0009-0006-3400-9451)